

Мы живем сейчас в мире трагического расхождения морали нации, государства и морали обычной, человека.

Нравственность государства остановилась на каменном веке. Мы, как страны, живем представлениями многотысячелетней давности. Государство, политика государства, дипломатия существует сейчас не для человека, а для себя.

Первообытный человек гордился физической силой. Племена, народы гордились военными победами. В свое время это было понятно. Победа над врагом определялась в значительной мере бесстрашием победителя, его готовностью жертвовать собой в интересах семьи, племени. Победитель в схватке рисковал собственной жизнью, а не чужой.

А что такое победа сейчас? Это победа военной промышленности, количества и качества изготовленных танков!

На самом же деле, особенно сейчас, достоинства нации те же, что и у отдельного человека.

Руководители государства во всем мире и отдельные националистические партии не могут понять - чем следует на самом деле гордиться.

А гордиться надо не захваченными территориями, не военной промышленностью, не качеством боевых самолетов, а своей культурой, своей историей, своей вежливостью в отношении других наций, стран,

помощью слабым нациям и народам, особенно тем, что доверяли свою судьбу более сильному народу.

Мы уступаем дорогу женщине, детям, старикам. Так же точно в государственной жизни мы должны покровительствовать малочисленным народам, стремиться сохранить их культуру, самобытность, языки.

Мы должны быть уступчивыми и как люди в своей частной жизни, и как государственные деятели, понимать нужды слабых, охранять их от притеснений среди многочисленных и более материально сильных.

Мы должны быть сильны моралью, сильны своей культурой.

Сейчас, как лесные пожары, по всему миру идут вставки грубой силы. Тех, кого недавно еще притесняли, спешат сами стать притеснителями. Они забыли, что такое быть "меньшинством" и применяют все приемы бывших угнетателей, брава "империалистов", учатся имперскому поведению.

Особенно страшны языковые притеснения и языковые диктаты. Нельзя запрещать общаться на том языке, который наиболее удобен в данной местности, в данной обстановке - официальной и неофициальной. Язык - самое ценное, чем обладает народ, особенно малочисленный. Язык государства, язык государственный - нелепость, язык может быть только языком людей.

Вообще хорошее государство - то, которое меньше всего вмешивается в дела людей, позволяет им все, кроме преступлений, защищает их свободу, не покушаясь на нее самому. "Незаметное государство" - вот политический идеал, к которому следует стремиться. Сильный государственный строй тот, при котором люди живут своим традиционным укладом, а указы и приказы не играют особой роли. Чем меньше в государстве изменений и меньше вмешательства в частную жизнь, чем меньше оно воюет, ссорится с соседями, "отстаивает интересы", тем государство культурнее.

Но государство не переубедишь. С этой "личностью", склонной во всем отстаивать свои "государственные интересы", на все обижаться и непрерывно расширяться, не поспоришь. Самое простое, что должен делать культурный человек: не строить дополнительных заборов между нациями, народами и странами. Быть как можно более общительным, гостеприимным к чужим культурам, обмениваться опытом и гордиться своими культурными связями. Культура всегда богатеет, когда она связывается с другими культурами. Общенье ученых, деятелей культуры, экономические связи, связи туристические, медицинские, взаимопомощь при разного рода национальных катастрофах - вот, что может существенно ограничить государственный эгоизм во всем мире. Люди любой национальной культуры должны понимать людей других культур.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ

Главные редакторы

АЛЕКСАНДР НИНОВ
АНТОНИН ЛИМ

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18
телефон 273-78-60
телефакс 274-54-62

РЕДКОПЛЕТИЯ

ВЛАДИМИР АДМОНИ
КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ
ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ
ВАЛЕРИЙ БАБАНОВ
ТАМАРА БАЛАШОВА
БОРИС БЕССОНОВ
СВЕТЛАНА БУШУЕВА
ВАСИЛЬ БЫКОВ
ДАННИЛ ГРАНИН
ПОЭЛЬ КАРП
АЛЕКСАНДР КУШНЕР
БОРИС ПУТИЛОВ
БЕНЕДИКТ САРНОВ
НИНА СНЕТКОВА
ЮРИЙ СУРОВЦЕВ
БОРИС ФИРСОВ

Представителя "Всемирного слова":

в Париже - ЕФИМ ЭТКИНД
в Риме - РИТА ДЖУЛИАНИ
в Берлине - БИРГИТ МЕНЦЕЛЬ
в Праге - АЛЕНА МОРАВКОВА
в Варшаве - АНДЖЕЙ ДРАВИЧ
в Будапеште - ЛАСЛО ХАЛЛЕР, ЧАБА ХАЙДУ
в Хельсинки - ЛИЙСА БЮКЛИНГ

Сотрудники:

Елена Баянская - редактор
Галина Лапшова - художественный редактор,
зав.производством
Ирина Рудяева - секретарь редакции,
компьютерный набор
Артур Тимофеев - корректор

Учредитель - Общество "Всемирное слово"
Издатель - коллектив редакции журнала

© Всемирное слово, 1994

© Василий Бертельс: обложка,
графическая концепция

Паскаль Брюкнер. ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛИ ПАРИЖ СТОЛИЦА?	1
Гертруда Стайн. ПАРИЖ ФРАНЦИЯ	3
Ирина Нинова. О ПЕРТРУДЕ СТАЙН	5
Поль Клодель. Непримируемый (Верлен)	6
Жюль Сюпервьель. "Мир полон голосов, остающихся без лиц". Ковни времена	6
Хуан Гойтисало. ПАРИЖ - СТОЛИЦА XXI ВЕКА?	7
Андре Бретон. Прекращение дела	10
Жан Дьори. КОПЛАЖ	11
Морис Карем. Брабант, любимый богами...	14
Леопольд Эпштейн. Клостернойбург-Кирлинг "Когда человек исчезает за черным забором." "Я в Черную Речку монетку швырну..."	14
Амос Элон. ВЕНСКИЙ РЕПОРТАЖ	14
Роберт Конквест. СТАЛИН СЕГОДНЯ.	20
О книге Роберта Конквеста. Заметка переводчика	24
Даннил Гранин. ЗУБР В ХОЛОДИЛЬНИКЕ	25
Г.Э.Лессинг. "Бессмертен Клопшток, люди правы..."	28

СОДЕРЖАНИЕ

Эдуард Гольдштоккер. ВОСПОМИНАНИЯ
ЕВРОПЕЙЦА 29

ОКНО НА СЕВЕР

Вера Панова. СЛАВЕН ГОРОД ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД	
НАЧАЛО ЕРЕСИ. Рассказы	32
Яков Лурье. О РАССКАЗАХ ВЕРЫ ПАНОВОЙ	36
Ларс Хульден. ОКНО НА СЕВЕР	37
Ларс Хульден. О ПОЭЗИИ ЭДИТ СЕДЕРГРАН	39
Эдит Седергран. Стихотворения	39
Лена Кроон. ДВА ДЯДИ	40
Вислава Шиньборская. Скелет динозавра	41
Александр Машевский. Хроника	41

ИЗГНАНИЕ. БЕЖЕНСТВО. ЭМИГРАЦИЯ

Виктор Пашков. ЛОТ В ИЗГНАНИИ	42
Ремон Кено. Стихотворения	45
Мария Седерберг. В ТЕНИ ВОЙНЫ.	
Отрывки из книг и фотографий	46
Норман Манеа. О ЧУЖЕСТРАНЦАХ	51
Вацлав Ямек. ЗЕМЛЯ БЕЗ ИЗГНАНИЯ	53
У.Б.Йейтс. Византия	55
Ефим Эткинд. МЕТАФОРЫ ИЗГНАНИЯ	56
Иван Елагин. Невозвращенец.	
История стихотворца. "Мне незнакома горечь ностальгии"	57

ОПЫТ ХУДОЖНИКА

Михаил Герман. ВРУБЕЛЬ И ДОСТОВЕВСКИЙ	58
Михаил Матюшин. "ОПЫТ ХУДОЖНИКА НОВОЙ МЕРЫ..."	61
Ирина Карасик. О МИХАИЛЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ МАТЮШИНЕ	64
Семен Ласкин. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКУ	65
Ларс Клеберг. В ОЖИДАНИИ ПИСЬМА	68
НЕБЕСНАЯ АРКА. Беседа Эмилии Кундышевой с Константином Азадовским	70
Константин Азадовский. МАРИНА ЦВЕТАЕВА: "СВЯТИЛИЩЕ РИЛЬКЕ..."	71
Марина Цветаева. ПИСЬМО РУТ ЗИБЕР-РИЛЬКЕ. Публикация и комментарии К.Азадовского	72
Г. Ванечкова. ПРАГА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ	74
Х.М.Энденсбергер. ТРИ ВАРИАНТА ОДНОЙ ИСТОРИИ	75

НАШ ДОКУМЕНТ

ПОХВАЛЬНЫЕ ЛАТИЦСКИЕ РЕЧИ ОРАТОРА Г.БОНДА В ЧЕСТЬ ПОЧЕТНЫХ ДОКТОРОВ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. По брошюре проф. Дж.Симмонса	76
--	----

КОММЕНТАРИИ

Евгения Щеглова. ПРЕМИЯ БУКЕРА И ВОКРУГ НЕЕ	78
Нина Катерли, Юрий Шмидт. БУДЕТ ЛИ ПОБЕДА ЗА НИМИ?	80
Александр Мелихов. ОСТРЫЙ ФАГОЦИТОЗ	83
Цветан Тодоров. ЕЩЕ РАЗ О "ДЕЛЕ КРАВЧЕНКО"	85

Из Германии пришел объемистый пакет. Одну за другой я вынимал копии докладов, записок, писем. Все же Клаусу Хопке удалось раздобыть их.

Я рассматривал, читал их со все возрастающим изумлением. Даты на них стояли - 1987, 88, 89 годы. Совсем недавние, но это были уже древние документы, из какой-то старой-престарой жизни, почти средневековой. Все они были про мой роман «Зубр» и про меня. Я понятия не имел, какая, оказывается, драматическая история разыгралась за кулисами, на самых верхах - из-за этого

Клаус был самым вольнолюбивым из всех известных мне немецких функционеров, но перед лицом служебной тайны замирал. Я же к этому времени пребывал в хмелю первых лет перестройки, переживал освобождение, избавление от давних страхов, от цензуры, и воздух ГДР казался душным, спертым. Здесь запретили наш фильм «Покаяние», запрещали советские журналы. Немецкое начальство «закручивало гайки».

На моем вечере, который по традиции устроила Академия, слушатели настойчиво спрашивали меня, почему «Зубр» не выходит в ГДР, где книга? Почему задерживается?

Я широко разводил руками. Это не у меня

Даниил ГРАНИН

объяснять, что обвинения Н. Людвиг один к одному совпадали со статьями в нашей реакционной печати, где среди журналов особенно неистовствовал «Наш современник». Его главный редактор С. Куняев, не в пример Наде Людвиг, не считал себя антифашистом. По возрасту он не участвовал в войне, но, думается, не только по возрасту. По своим убеждениям ему ни к чему было воевать с гитлеровцами.

То, что русские люди, как герой книги Тимофеев-Ресовский, могли в гитлеров-

ЗУБР В ХОПОДИЛЬНИКЕ

романа, затронув все инстанции, вплоть до Политбюро.

Книгу «Зубр» издательство «Volk und Welt» выпустило в 1987 году. В немецком переводе она называлась «Sie nannt ihn Uhr». Перевод и все издательские работы прошли быстро, книга была готова, но в продажу не поступила. Что-то произошло. Что именно, я не знал. У нас в России она вышла уже несколькими изданиями, вышла в Швеции, Польше, Японии, США, а в ГДР почему-то застопорилась.

«Зубр» - роман о русском биологе Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском. В истории русской науки есть несколько ученых мирового класса - Менделеев, Павлов, Вернадский, Вавилов, Капица, Сахаров. К ним с полным правом относятся и Тимофеев-Ресовский. Я имел счастье знать его, он много рассказывал мне о своей удивительной жизни, да и человечнее он был еще более удивительный. Я влюбился в него. Он умер в 1980 году. Спустя несколько лет я решил написать о нем. С 1925 по 1945 год он жил и работал в Германии. Я поехал туда, повидал тех, кто знал его и работал с ним. Роман «Зубр» был напечатан в журнале «Новый мир» и вызвал не то чтобы скандал, но бурную реакцию и читателей и критики. К 1987 году эта реакция не улеглась, а вроде и разрасталась.

О существе споров я еще скажу, пока же про полученные документы. Их было много. Я понимал, что это всего лишь письменные следы, за ними скрывались телефонные звонки, встречи, переговоры, вызовы в ЦК - кто бы мог подумать, что все это творилось вокруг небольшой переводной книги о известном лишь специалистам русском биологе.

Мне сразу вспомнилось, как в 1988 году я приехал в Берлин на сессию Академии искусств и встретился с главным редактором издательства «Volk und Welt» Лео Кошутом. Мы были друзья. Мы знали друг друга много лет. «Что с книгой?», - спросил я. Лео отвечал скупой и неопределенно. Успокоительные капли - не беспокойся, образуется, скоро хорошо не родится... Чувствовалось, что хотел мне что-то расказать, да не мог, дисциплина не позволяла. И Клаусу Хопке она не позволяла. Очень у них партийная дисциплина читалась. С этим у них хорошо обстояло. А Клаус Хопке был заместителем министра культуры ГДР, ведал всеми издательствами страны, самый большой начальник, но тоже уклонялся: «Даниил, есть некоторые сложности, это нормально».

спрашивайте. Что-то было в моей демонстративной усмешке недозволенное. Тогда слово взяла Надежда Людвиг и все поставила на место. Она была профессор, специалист по советской литературе, в свое время она писала о моих романах, хвалила, даже славилась меня как певца технического прогресса и научного творчества. Она угнеталась своей ортодоксальностью, но отношения у нас сохранялись уважительные.

Она без всяких обиняков начала с того, что новый роман Гранина идейно вреден, играет на руку буржуазной пропаганде. Герой у него, то есть у меня, якобы остается честным ученым в условиях гитлеровского режима, фашизм якобы позволяет Тимофееву-Ресовскому заниматься чистой наукой. Да, к тому же, герой ведет антифашистскую деятельность. Мы, немецкие коммунисты, этого не могли, а русский, в Берлине, может. По возвращении же в Советский Союз после войны его заточили в концлагерь. Фашисты его не тронули, а советские не пощадили. Что же это, если не клевета на социалистическое общество?

Голос ее срывался, она волновалась, нешуточное дело, она чувствовала неодобрение аудитории, она выступала против гостя, против советского писателя, все же известного писателя, она шла одна против всех, но она защищала соцреализм, партийность литературы, основы социалистического сознания, все то, что исповедовала, и готова была взойти на костер.

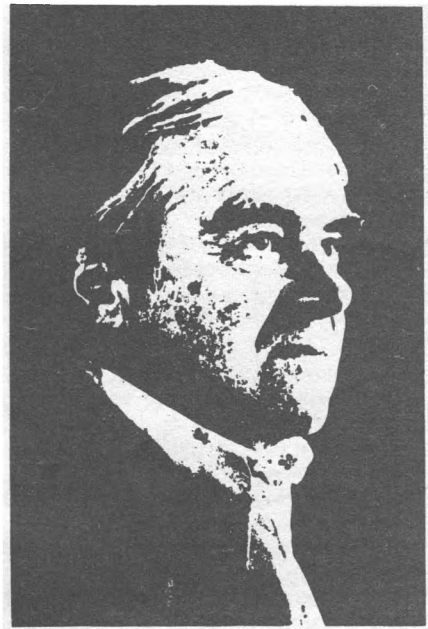
Седенькая, коротко остриженная, она напоминала мне комиссаров двадцатых годов, каких показывали в кино. Наверное, и она себе такой виделась.

Она упрекала меня чуть ли не в том, что я играю на руку неофашизму, что мы в Советском Союзе предаем ленинские принципы.

Вот тут она меня зацепила. Кто бы из моих ребят, из нашего танкового экипажа, мог представить себе, что спустя сорок лет немецкая фрау будет учить нас, как бороться с фашизмом. Где она была тогда, когда нас жгли под Кенигсбергом? Это я помогаю фашизму!

Я не мог сказать ей всего потому, что она была женщина, но все же я сказал ей, что есть разница между немецкими коммунистами и антифашистами, я не знаю, где были немецкие коммунисты в войну, но я знаю, кто разгромил фашистов, и не ей...

Аудитория не читала роман и плохо понимала, о чем мы спорим. Я не стал

ской Германии оставаться независимыми, продолжать свою науку, сохраняя честность - это было выше понимания критиков журнала «Наш современник». Такую ситуацию они воспринимали как личное оскорбление. Для них незывлем был советский тип сознания: тот, кто отказался вернуться в Советский Союз, будь это даже в 1937 году - предатель. Те, кто остались на оккупированных территориях - пособники оккупантов. Те, кто были в Германии при фашизме, были фашисты, работали на фашистов. Все просто. Такого же прямолинейного мышления придерживалась и Н. Людвиг. Однако ясно было, что она выражала нечто большее, чем личное мнение. Ее отвага, очевидно, была неспроста, она знала, что делает... Понадобилось, однако, четыре года, чтобы подноготная этой истории обнажилась.

Наверное, самое время от личных воспоминаний перейти к документам, которые собрал для меня Клаус Хопке. Они интересны в собрании, в последовательности, в хронологии. Первый документ помечен 2 июня 1988 года, последний октябрём 1989. Документы приоткрыли мне кухню той политической стряпни или возни, что происходила в аппарате ЦК СЕПГ. Зрелище одновременно и жалкое, и поучительное.

Очевидно, по просьбе ЦК в ГДР был

послан ответственный работник КГБ из Москвы, который «в связи с книгой Д.Гранина «Зубр» - в течение трех недель проверял и собирал материалы о Тимофеев-Ресовском. Отчет его на немецком языке был предоставлен для ЦК СЕПГ, чтобы они могли оценить. Вместо самой книги они читали справку КГБ, это надежнее, понятнее и короче.

Поначалу КГБ приводит известные Москве данные о Тимофеев-Ресовском. Сообщает, что еще в гитлеровские времена, еще до КГБ Тимофеева-Ресовского проверяли -- Немецкий Союз доцентов и Имперский Союз Науки и Народного Образования. Всякий раз эти организации Третьего Рейха убеждались, что Тимофеев выдающийся ученый, «серьезный и отзывчивый человек и только ученый», это подчеркивалось.

В этих оценках Тимофеев рассматривается как противник коммунизма. В одном документе от 13 июня 1938 года он назван «явным противником коммунизма».

Молодые фашистские ученые, которые работали в Кайзер-Вильгельм Институте, считали Бух (отделение, где жил и работал Тимофеев-Ресовский), политически левым. Поэтому в 1935 году там сменили руководство. «Тимофеев-Ресовский имел, однако, возможность продолжать свои работы и достиг мирового авторитета. Его доклады и публикации были признаны во всем мире. Переписка с другими зарубежными учеными показывает, что Тимофеев-Ресовский мог участвовать в различных конгрессах и публиковаться, живя в гитлеровской Германии».

КГБ отмечает это не без некоторой натуги, а может, и внутреннего удивления.

«Работы Тимофеева-Ресовского по биофизике использовались другими учеными, в частности, немецкими, и ему до 1945 года оказывалась поддержка, несмотря на тяжелое военное положение».

«Не удалось найти никаких других документов и данных, которые бы доказывали, что результаты исследований отдела генетики, и научные труды самого Тимофеева-Ресовского, могли бы быть использованы для военных преступлений против человечества».

«По документам и высказываниям бывшей сотрудницы Института в Берлин-Бухе Шарлотты Третин, с 1942 года проводились в отделе генетики опыты в области ядерных исследований».

Из документов вытекает, что отдел генетики под руководством Тимофеева-Ресовского не был вовлечен в работы по вооружению и военной продукции».

В основе распоряжений Гитлера от 19 июня 1944 года полагалось поощрять только такие исследования, «которые принесут важные преимущества».

Работы Тимофеева-Ресовского к таким не относились. «Отдел генетики мог работать до 1945 года беспрепятственно». Ближайшие сотрудники, такие как доктор Борн, могли участвовать в работах по вооружению. Фактов же участия Тимофеева-Ресовского не было найдено. «Можно считать доказанным, что он, как руководитель отдела, русский, не был ограничен в своих исследованиях и был информирован о секретных исследованиях Борна и Циммера».

Удалось найти все научные статьи Тимофеева-Ресовского и других, из них видно, что до 1945 года Тимофеев-Ресовский широко признан и уважаем, и после ареста его сына.

«Кальтенбруннер отказал семье Тимофеева-Ресовского, когда она хлопотала за сына».

Младший сын Тимофеевых, Андрей, и после ареста брата посещал школу и работал беспрепятственно.

После всего этого работник КГБ приходит к выводу: «Тем не менее еще невозможно, еще рано (!) объективно оценить, правильно ли изображен в книге Гранина его герой, действительно ли он был антифашистом».

«Решение о публикации книги в ГДР можно принять, когда будет в Советском Союзе Тимофеев-Ресовский реабилитирован».

Кстати, КГБ, располагая материалом о полной лояльности Тимофеева-Ресовского, всячески продолжал препятствовать его реабилитации. С 1988-го по 1992 год в реабилитации все время отказывали, каждый раз утверждая, что Тимофеев помогал гитлеровцам, не может быть, чтобы не участвовал в работах на войну.

В свое время сам Н.В.Тимофеев-Ресовский не подавал просьбы о реабилитации. Он говорил, - «кого я должен просить? Кого? Я не хочу их ни о чем просить». Это было ниже его достоинства, и думаю, он был прав. Его не реабилитация значила больше, чем его реабилитация.

В своем отчете КГБ подтверждает, что Тимофеев-Ресовский спасал в своей лаборатории русских, французов, военнопленных, оstarбейтеров.

Из последующих документов видно, что КГБ знал и другие факты и свидетельства об антифашистских действиях Тимофеева-Ресовского, но в отчете эти данные не приводятся.

Итак, отчет КГБ поступил в ЦК в начале июня, а 14 июня издательство «Volk und Welt» направило, как бы в противовес, две рецензии, заказанные специалистам по советской литературе (Кристине Ликс и Франциске Мартыновой). Обе рецензии положительные. Они легли на стол в отдел культуры ЦК СЕПГ Арно Ланк.

Издательство упорно боролось за книгу. Рецензии эти помещали ЦК окончательно закрыть вопрос, поэтому так называемое «Бюро К.Хагера», члена Политбюро, самого большого начальника восточногерманской идеологии, решило противопоставить этим рецензиям мнение человека, который хорошо знал Тимофеева-Ресовского. Так появился третий документ - заключение Роберта Ромпе.

Несомненный авторитет, известный физик, автор многих работ, коммунист, более того, член ЦК СЕПГ, Ромпе знал Тимофеева-Ресовского еще в тридцатые годы, у них были совместные работы.

Я сам, собирая материалы для книги, обрадовался, найдя Р.Ромпе, и обратился к нему. Добиться у него приема почему-то оказалось трудно. Я не сразу понял, в чем дело. В первый раз мы с ним проговорили два часа и он умудрился ничего не рассказать о Тимофеев-Ресовском. Буквально ничего. Тощий, извилистый, с маленькой круглой головкой, скользкий, как минюга, он не давался в руки, выскальзывал, уклоняясь от прямых ответов. Из его намеков можно было понять, что ему не положено, не рекомендовано говорить на эту тему, поскольку он связана с его чуть ли не подпольной работой.

Я решил дожать его, я использовал возможности, какие у меня были, и добрался до члена Политбюро, самого Курта Хагера. Если не ошибаюсь, это было в мае 1986 года. Попросил его помочь пояснить товарищу Ромпе, что я не подослан к нему из ЦРУ и мне можно рассказать о его дружбе с Тимофеевым-Ресовским и сопутствующих обстоятельствах. В тот же день Хагер позвонил к Ромпе. На сей раз Ромпе принял меня

сразу, был любезен, но увы, не Хагер может разрешить ему, есть иные инстанции, во всяком случае он обещает д о б и т ь с я п р а в а рассказать мне кое-что. Вот и все, что я получил от него. Я видел, что он темнит, фальшивит, морочит голову. В романе я написал о нашем свидании, сдержав себя, польстил ему, я все же надеялся, что он когда-то выполнит обещанное. Я поверил ему, а не себе. Конечно, он обманул меня, обдурил. Ничего я так и не добился от него, хотя несомненно, он много знал о Тимофеев-Ресовском. Он провел с ним решающие месяцы 1945 года - крушение Рейха, штурм Берлина, приход Красной Армии. Тимофеев-Ресовский приютил лабораторию Ромпе и самого Ромпе у себя, в Бухе, где было безопаснее, и все это время они прожили вместе.

Феномен Ромпе оставался для меня загадкой.

Что же написал Ромпе в ЦК о своем дружбе и моей книге, какое он дал заключение?

Прежде всего он отмечает, что книга Гранина снижает авторитет советской науки не только в биологии, но и в кибернетике. Надо ли широкому немецкому читателю знать о лысенковщине, о том, что кибернетика объявляла в Советском Союзе буржуазной лженаукой? О, конечно, Тимофеев приютил в Бухе Карла Ломана с его психолого-химической лабораторией, взял к себе и две физические лаборатории, его, Ромпе, и Михеля Шона из Института твердого тела (про Шона ведь не говорил мне!), все так, и все же он, Ромпе, руководствуется прежде всего принципами. Интересы ГДР превыше всего!

«Книга Гранина содержит много ценной информации, но для кого, для чего?» - и уверенно отвечает: «Мы в ГДР зависим от кооперации с Советским Союзом... Прежде всего в технологиях. Возникает вопрос - помогает ли книга Гранина нашей кооперации с Советским Союзом? Я бы сказал - нет».

Тут он прав, насчет кооперации и технологии я не подумал. Не предусмотрел в романе.

«Для нас, в нашей напряженной ситуации действует правило: кто хочет хорошо вести машину, не должен часто заглядывать в зеркало заднего вида».

То есть, зачем кости шевелить. Социализм живет не прошлым, а будущим. От старой дружбы никакой прибыли нет, неприятности же могут быть.

Ромпе подкрепляет свои слова примером: «В случае, когда надо было отмечать юбилей Н. И. Вавилова, мы ждали, что скажет в своей речи в Академии наук президент Академии Марчук и только после того, как прочли в «Правде», наш журнал «Наука и прогресс» опубликовал статью Штуббе о Вавилове».

Вот пример, достойный подражания! И с этой книгой о Тимофееве так же следует поступить, подождать, пока не произойдет реабилитация, затем торжественный юбилей, и чтобы в «Правде» появился отчет. Пока что Тимофеев числится в репрессированных, подозрительных, и давайте воздержимся.

Ромпе не может отрицать, что Тимофеев-Ресовский был «великим биологом», хотя тут же оговаривается, что как физик он не может судить о биологических науках. Хотя снова оставляет себе лазейку: «Я присоединяюсь к отзыву Штуббе и знаю, что Гейзенберг и Бутенат высоко ценили Тимофеева-Ресовского, даже почитали».

Итак, книгу лучше не издавать, о Тимофеев-Ресовском не вспоминать еще лет двадцать-тридцать. Таков вывод Р. Ромпе. Это как раз то, что надо было от него ЦК и Курту Хагеру, товарищ Ромпе знает,

что от него ждут. Мудра поговорка: не вспоя, не вскормя, ворога не увидишь.

Я встречал многих людей, чем-то обязанных Тимофееву-Ресовскому. Роберт Ромпе единственный проявил себя столь неблагодарно. Предательское его поведение легче всего объяснить трусостью. Но у меня есть ощущение, что присутствовала тут и зависть, зависть к тому, кто, пройдя через все муки и ужасы обоих режимов, остался чистым и верным себе. Зависть, которая смыкается с неосознанной ненавистью.

Отзыв Ромпе сработал. Книгу заморозили, чуть что ссылались на заключение Ромпе и других. Спасительное: «и других».

Прошло еще четыре месяца. Лео Кошут, как главный редактор издательства, не оставлял своих стараний. И Клаус Хопке, категорически несогласный с мораторием, пишет новое письмо Курту Хагеру, прилагая вырезку из «Литературной газеты», где напечатано открытое письмо советских ученых, опровергающих измышления В.Бондаренко в журнале «Москва» о Тимофееве-Ресовском. Надо отметить, что полемика в советской печати не утихала. На что постоянно ссылались немецкие черберы из ЦК.

Сам я ни в печати, ни в дискуссиях о книге не выступал. Я был уверен, что справедливость должна восторжествовать и без моего вмешательства, мне было даже интересно увидеть, как это произойдет.

Клаус Хопке послал Хагеру статью и некоего С. Иванова, опубликованную в «Литературной России». Она называется «Тимофеев-Ресовский в Германии». Автор перепевает известный мотив - герой работал в гитлеровской Германии, значит, помогал нацистам. Совок в своем неизменном репертуаре: человек может быть либо красным, либо белым, иных красок не дано.

Двадцатого декабря 1988 года руководитель Общества германо-советской дружбы, член Политбюро, секретарь ЦК, он же Председатель Центральной партийной комиссии, Э. Мюкенбергер срочно сигнализирует другому члену Политбюро - К.Хагеру:

«У нас, в Обществе германо-советской дружбы уже несколько месяцев назад Рагвиц обращает внимание, стоит ли издавать книгу Гранина «Зубр». Несмотря на все сомнения, у некоторых ЛЮДИШЕК есть все же намерение это сделать. Так, в журнале «Искусство и литература» публикуются две статьи о романе - И. Грековой и Е. Сидорова. Я хочу обратить твое внимание на это, ибо предполагаю, что хотят создать предпосылки для публикации книги.

С социалистическим приветом *Е. М.*»

Для секретаря ЦК людишки - это рядовые члены партии, всякие редакторы, журналисты, издатели, интеллектуалы, которые смеют трепыхаться, иметь собственное мнение. Я думал, что для наших вождей человек - «винтик», нет, оказывается и в немецкой демократической республике царил то же сталинское отношение.

Члены Политбюро, высшего руководства страны, самые большие шишки, включились в сражение с книгой. Вот чем были заняты эти политики накануне падения Стены и своего режима. Автор мог бы гордиться этим, когда бы ему не было так смешно и грустно.

Завотделом культуры Урсула Рагвиц доносит Курту Хагеру на министерство культуры, которое, оказывается, разрешило изготовить и хранить 15000 переплетенных экземпляров крамольной книги. Это было в декабре 1988, а в январе 1989 не-

угомонный Клаус Хопке шлет Хагеру два письма в дополнение к прежним материалам: «они сообщают факты, помогающие решить вопрос о книге».

Первое письмо от доктора Харольда Весселя:

«Дорогой Клаус! Бергдорфский дискуссионный клуб посадил меня во время встречи 87 рядом с Манфредом Ардене, так что я имел возможность поболтать с этим великим стариком. Как это ни странно, Ардене до сих пор вспоминает мою диссертацию 1961 года под названием «Вирусы - чудо и противоречия», которая содержала в себе философски-кибернетическую дискуссию с невероятными догмами Лысенко. Он, Ардене, говорил со-

Н.В.Тимофеев-Ресовский.
Берлин. 1943.

мною о регулярных кругах в организме и при этом упомянул роман Гранина «Генетик»...»

Придется прервать письмо Весселя, чтобы сказать немного о Манфреде фон Ардене, которого я имел честь знать и бывать у него в Институте в Дрездене. Это действительно был великий человек. Не только ученый, но инженер, прежде всего изобретатель, автор множества замечательных практических работ в электронике, медицинском оборудовании. По широте диапазона его можно сравнивать с Эдисоном. Начал он свои работы во времена Гитлера, занимался ими в войну и затем в СССР, где получил Государственную премию в 1955 году. Вернулся в ГДР, поселился в Дрездене.

Я понятия не имел о его дружбе с Тимофеевым-Ресовским, я бывал у него в семидесятые годы, когда работал над фильмом «Выбор цели». Меня интересовал его рассказ о том, как создавали немецкую атомную бомбу. Биография самого Ардене и приключения его таланта это отдельный сюжет. То, что Ардене появился в моей истории, было неожиданностью.

«...Я должен был сказать Ардене, что «Генетик» издан в ФРГ, а в ГДР, в издательстве «Рубенштайн» лежит, и давно, эта книга в холодильнике. Добрый старик Ардене не хотел мне верить, что книга Гранина до сих пор не вышла в ГДР. Он считал это невероятным. Дорогой Клаус, я придерживаюсь того же мнения, считаю невероятным, что на нас действуют какие-то анонимные слухи, заставляющие нас дер-

жать в холодильнике книгу, которая, на мой взгляд, является большой ценностью как в научном плане, так и литературно. Это потому невероятно, что мы в ГДР никогда не содействовали, например, глупой шумихе вокруг Лысенко... По этой причине наше сельское хозяйство осталось плодородным. Тимофеев-Ресовский, герой книги, вместе с Циммером и Дельбрюком открыли зависимость мутации от X-лучей. Его имя останется в книгах по биологическим наукам, в моей книге оно часто упоминается. Его исследования не могли служить нацистам. Я считаю это невозможным, нацисты не поняли всей истории с атомной бомбой, недооценили ее. Тема «X-лучи и мутации» интересна, когда речь идет о защите от атомного оружия и охране человека, который работает над изготовлением атомного оружия. Поэтому Тимофеев-Ресовский был после войны так важен для Советского Союза... НКВД крепко держало в своих руках советскую атомную программу... Штубе и Ардене лично знали гранинского героя и еще сегодня им очарованы. Оба этих ученых ГДР действительно компетентны в вопросах о книге Гранина. Я не хочу полемизировать, дорогой Клаус, я хочу передать тебе для сведения письмо Ардене, которое он мне послал после того, как мы поболтали с ним о Дрездене. Я сказал ему, что есть слух, что якобы Тимофеев-Ресовский работал для СС. На самом же деле он был образцом стойкости и интеллигентности, и то и другое было исполнено глубокой человеческой любовью. Может быть, он должен был как-то общаться с коричневыми властями, но так как он намного превосходил их в духовном и моральном смысле, я не могу представить себе, чтобы он позволил им себя использовать. Мое предложение пригласить компетентных людей, таких как Ардене, Штубе, Гейслер, Боме, проверить эти слухи и затем решить, кто, собственно, эти люди, которые выступают против издания этой книги и кто стоит за этими слухами.

Желаю тебе успеха *Х.Вессель.*»

Вессель не называет в числе ученых, видимо не случайно, Р.Ромпе. Предложение Весселя не так наивно, как кажется. Январь 1989 года было время разгара перестройки, демократических перемен в Восточной Европе, где ГДР оставалась последним оплотом догматизма. Вокруг злосчастной книги продолжалась возня. Шла переписка, прибывали бумаги, писали резолюции, обсуждались предложения, велись телефонные переговоры. Дело докатилось до самого Хонеккера, и, как мне передавали, он произнес следующее: «не для того я сидел в фашистском концлагере, чтобы мне теперь доказывали, что Сталин и Гитлер одно и то же».

Крутом творилось уже бог знает что, но идеологи по-прежнему сторожили холодильник. И Клаус Хопке, несмотря на свои рискованные попытки, ничего не мог добиться. Могучие часовые защищали идейную чистоту ленинизма.

Не без некоторой боязни подступал я к письму Ардене. Его мнение было важно не потому, что я сомневался в Тимофееве-Ресовском. И без всяких свидетелей, без документов я верил в его абсолютную порядочность и благородство. Он не мог служить ни большевикам, ни фашистам, никакому неправому делу. И что бы мне ни доказывали, я не принимал никаких аргументов. В конце концов все они оказывались ложными. Свидетельство Ардене было важно потому, что хотелось восстановить ущерб, нанесенный Р. Ромпе. Я чтит немецких физиков и немецких биологов, о которых много хорошего рассказывал Тимофеев-Ресовский. Трагические их жизни

при нацистском режиме напоминали участь некоторых наших ученых. Им приходилось решать те же моральные проблемы, совершать те же ошибки, так же заблуждаться и прозревать. И мучиться: не есть ли их работа - работа на дьявола?

Ардене был для Тимофеева-Ресовского человек со стороны. Их не связывала личная дружба, как Тимофеева-Ресовского со Штубе или с Ромпе. Ардене представлял для меня уже ушедших из жизни великих немецких ученых, таких как М. Лауэ, М. Планк, В. Гейзенберг, В. Паули, А. Зоммерфельд и М. Борн.

"Дорогой Вессель, я вспоминаю наш разговор о Тимофееве-Ресовском и просто ошарашен тем, что известному представителю радиационной биологии приписывается, что он якобы во времена нацизма работал на гитлеровцев. Такой подход неверен. Я его хорошо знал и посетил его около 1940 года в его лаборатории. Мы много разговаривали, и тогда проявилась наша общая враждебность к Гитлеру. Кроме того, в этот день я восхищался его мужеством, в его лаборатории я увидел плакат: «Осторожно, СС подслушивает!» Тимофеев-Ресовский был в тесной дружбе с известными противниками гитлеровского режима доктором Розбаудом (Издательство Хоутермансом, который во время войны, благодаря Макс фон Лауэ, прибыл в мой Институт. Я надеюсь, что мое письмо поможет осветить верным светом деятельность выдающегося ученого, врага гитлеризма.

С лучшими пожеланиями

Манфред фон Ардене"

Ардене считал своим долгом вмешаться, хотя никто не требовал его свидетельства, и прекрасно знал отношение к этому делу властей и партийных боссов.

Как я жалел, что не знал ничего этого, когда писал книгу.

Документы «за» и «против» чередовались, отражая усилия и с той и с другой стороны. К тому же Курту Хагеру адресует письмо некий Штранд из Бернау, яростный блюститель партийной идейности.

"Несмотря на то, что я неоднократно писал в отдел культуры ЦК по поводу предполагаемого издания романа Гранина «Зубр» издательством «Volk und Welt», я до сих пор, если не принимать во внимание отписки, не получил ответа по поводу моих сомнений. Правда, книга не вышла в конце 1987 года, как предполагалось, но должна. Это я узнал стороной, должна выйти в середине этого года. Я хочу обратить внимание ЦК на то, что эта книга искажает факты... Авторитету ГДР будет оказана плохая услуга, если наши «деятели культуры» попадутся на удочку. Я думаю, что у многих советских писателей есть достаточно причин быть осторожными в отношении коллаборационистов и невозвращенцев и не оправдывать их.

4.3.89 Скомприветом *Е.Штранд"*

За книгу вступает писатель, сценарист Вольфганг Кольхазе. Он направляет большое письмо тому же К.Хагеру. Книга становится объектом сражения демократов и догматиков. Партия мобилизует своих «автоматчиков». В журнале «Конкрет» (1989) появляется статья О.Тольмайна. Автор обрушился на роман, повторяя советских обскурантов: «Национал-социализм у Гранина выступает как менее ужасный вариант тоталитарного режима, чем сталинизм».

Старательно развивает он тезис, выдвинутый Э.Хонеккером. Сама мысль о том, что можно сравнивать оба режима, кажется кощунственной. Он вскрывает умысел автора противопоставить свободу, которую предо-

ставили Тимофееву-Ресовскому в Германии, советской жизни. "Никого из критиков, которые защищают книгу Гранина, не удивляют неограниченные возможности, которые предоставлены Тимофееву-Ресовскому в гитлеровской Германии".

Оба тоталитарных режима были бесчеловечны и отвратительны. Нельзя сравнивать их по количеству жертв. Арифметика становится безнравственной, когда мы считаем, где больше погибло. Моя книга - рассказ всего лишь об одной судьбе. В статье цитируется Раиса Орлова: «Тимофеев - величайшая личность двадцатого столетия, человек, который пережил оба тоталитарных режима». Через его жизнь и возникает возможность сравнения, опровергающего расхожие представления нашей пропаганды.

Никто нигде не мог привести данных о том, что Тимофеев-Ресовский выполнял какие-либо конкретные задания нацистов, у него нет ни работ, ни отчетов, связанных с расовой теорией или военной тематикой.

После публикации книги, после всех дискуссий, в 1991 году мне стала известна в подробностях следующая история:

В 1943 году из Далема в Бух приехал известный гистолог Халерфарден. Он обратился к Н.В.Тимофееву-Ресовскому, предлагая руководить исследованиями некоторых генетических проблем на человеческом материале, на цыганах. В этом случае можно будет облегчить участь сына, недавно арестованного гестапо. Тимофеев-Ресовский сутки обдумывал предложение. Он не нашел в себе силы сразу отказаться. Понимал и он, что, отказывая, рискует жизнью Фомы.

Много лет спустя Елена Александровна Тимофеева-Ресовская рассказала об этом своей подруге Кузнецовой. До конца жизни оба, отец и мать, мучили себя за принятое решение. В каком-то смысле они считали, могли считать себя виновными в гибели сына.

История эта дошла до меня уже после смерти Тимофеевых-Ресовских, сравнительно недавно. Тема Фомы в доме Тимофеевых-Ресовских была как бы запретной, во всяком случае нежелательной. Ее упорно избегали; теперь многое стало понятней. Хотя далеко не все. До сих пор не могу представить себе, каким образом Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский принял такое решение. Но не могу вообразить и иное решение. Оба решения безвыходные. Это ситуация библейская, шекспировская, трагическая в любом направлении. Великому человеку достаются и великие испытания.

Публикация романа в Германии приносила к моему берегу новые факты, сообщения. Замечательный немецкий физик Риль подтвердил невозможность для Ти-

мофеева-Ресовского никаких работ на потребу нацистов, исключал начисто какое-либо его участие в атомном проекте немцев. Последние годы Риль и Тимофеев-Ресовский были связаны совместной работой. В конце 1992 года в журнале «Natur» появилась большая статья-исследование, которая окончательно подтверждает непричастность Тимофеева-Ресовского к каким-либо работам на войну, на расистские темы. Историкам не удалось найти никаких фактов, свидетельств, ничего того, что можно было бы поставить в вину русскому генетику.

«Зубр» вышел в Западной Германии (под названием «Генетик»), его читали и восточные немцы, а в ГДР «бюро Хагера» расследовало, каким образом один экземпляр «Sie nannt ihn Uhr» обнаружен был у кого-то на руках. Поднялась паника, словно бактерия чумы вырвалась из лабораторной бутылки.

Несмотря ни на что, книга вышла и в ГДР. Еще успела выйти, пока Стена была цела, пока ЦК работал, и все ревнители сидели в своих кабинетах. В конце октября 1989 года Клаусу Хопке после долгого разговора удалось наконец вырвать у К.Хагера разрешение выпустить «Зубра» из «холодильника».

Странно, но я вспоминаю о тех временах со смешанным чувством. Есть что-то славное в том минувшем, увы, безвозвратно ушедшем. Такого уже не будет, чтобы нас, писателей, так боялись. Ныне уже не то. Ныне, что бы я ни написал, какую бы сатиру или контру, как бы ни уязвил основы, такого переполоха не вызвать. С ностальгическим чувством я перебирал документы, присланные Клаусом Хопке, складывал их в папку, прощаясь с ними и со всем серебряным (или железным) веком могущества литературы, и кино, и живописи, когда нас боялись, собирали совещания, издавали постановления ЦК, никогда не будут уже из-за наших книг давать выговоры, вызывать издателей, переписываться министры, советоваться с КГБ. И мы не сможем более проявлять стойкость и чувствовать себя героями. Грустно. То правительство и та партия, - ах как уж мы приспособились друг к другу в своей не любви! Никто не будет теперь испытывать к нам такой горячей неприязни. У них было занятие - они запрещали, охраняли, изымали, увещевали, а чем теперь занимается, допустим, Министерство культуры? Бог его знает. Нынешним властям мы не нужны. Никто не выискивает в моих книгах крамольных фраз, не сообщает о них куда следует. Боясь, что власти вообще перестали их читать. Похоже, мы стали безопасны, бессильны и должны заняться всего лишь настоящей литературой.

Готхольд Эфраим ЛЕССИНГ

*Бессмертен Клопшток, люди правы!
Но кто зачитывался им?
А нам не надо вечной славы,
Чтоб нас читали, мы хотим.*